

КЛАССИКА
МИРОВОЙ
БИЗНЕС
ЛИТЕРАТУРЫ

УИЛФРЕД ТРОТТЕР

СТАДНЫЙ
ИНСТИНКТ
В МИРНОЕ ВРЕМЯ
И НА ВОИНЕ

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Уилфред Троттер
Стадный инстинкт в
мирное время и на войне
Серия «Классика мировой
бизнес-литературы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74593936

Стадный инстинкт в мирное время и на войне: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255233-5

Аннотация

Почему люди готовы отказаться от собственного мнения ради одобрения большинства? Почему даже самые образованные общества оказываются во власти массовых заблуждений? Можно ли объяснить массовую панику и слепой патриотизм наукой?

Еще в 1916 году британский хирург и мыслитель Уилфред Троттер предложил смелый ответ: человеком управляет не только разум, но и «стадный инстинкт» – стремление принадлежать группе, разделять ее убеждения и следовать за большинством.

Спустя более чем сто лет идеи автора все еще актуальны. В эпоху социальных сетей, алгоритмов рекомендаций, вирусного контента и информационных пузырей его книга помогает понять, почему мы доверяем одним источникам и отвергаем другие.

Троттер показывает, как формируется общественное мнение и почему критическое мышление требует столь больших усилий.

Содержание

Предисловие	6
Как стадный инстинкт формирует цивилизованного человека	9
Вступление	9
Глава 1. Психология стадного инстинкта	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Уилфред Троттер

Стадный инстинкт в мирное время и на войне

© Шамаева М., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предисловие

В основу первых двух глав этой книги легли эссе, написанные около 10 лет назад и опубликованные в *Sociological Review* в 1908–1909 годах. Первоначально они составляли единый текст, однако затем его разделили на две части – с полугодовым интервалом – и подвергли значительному сокращению.

Когда я узнал, что тираж тех выпусков давно разошелся, а тема не утратила актуальности, возникла мысль о переиздании. Я решил воспользоваться случаем и дополнить старые эссе итогами десятилетних размышлений, а также попробовать приложить намеченные принципы к сегодняшним событиям.

Комментарий разросся и теперь занимает почти весь объем книги. Это достижение, безусловно, имеет самостоятельную ценность, однако я отметил этот факт лишь для того, чтобы показать, насколько интересно оказалось сравнить принципы, заложенные десятилетие назад, с текущими событиями.

Упоминаю об этом не в похвалу собственной проницательности – я уже давно указал на признаки того, что устойчивость цивилизации не столь прочна, как принято думать. Важно другое: военное время плохо располагает к свободному мышлению. Будь эти идеи высказаны сейчас, в чрезвычай-

чайных обстоятельствах, у читателя были бы все основания усомниться в их справедливости – сколь бы убедительными они ни казались.

Этой книгой я хочу поменять представление о психологии как о чем-то туманном и оторванном от жизни. Психология – особенно в союзе с биологией – способна стать надежным ориентиром в насущных вопросах. Она дает такое понимание человеческого разума, которое позволяет предсказывать поведение – не в общих чертах, а вполне конкретно. Обстановка на сегодняшний день открывает редкую возможность проверить это в условиях подлинного испытания.

Война все очевиднее становится испытанием морального духа. И глубокое понимание того, откуда берется боевой настрой нации, может помочь не меньше, чем умение делать пушки или строить укрепления. Конечно, в стране, которой угрожает враг, мужество и решимость поддерживаются самой угрозой – даже когда общие силы нации на исходе. Но крепкий моральный дух дает куда больше: он питает энергию экономики и помогает каждому человеку работать с полной отдачей, не поддаваясь тревоге, нетерпению и раздражению. Задача прикладной психологии – понять, как этот дух устроен, и найти способы его поддерживать.

При внимательном анализе действий правительства во время войны становится очевидно, что каждое его решение имеет последствия сразу в двух направлениях. С одной стороны, оно почти сразу сказывается на положении противни-

ка. С другой – влияет на моральный дух собственной нации. Первое последствие, как и любое военное действие, всегда связано с неопределенностью: заранее невозможно предсказать, приведет ли оно к успеху или поражению. Второе же вполне поддается оценке и прогнозированию, а отрицать это могут лишь люди, которым недостает знаний или которым этот вопрос попросту безразличен.

Моральный фактор присутствует в любом государственном решении – и при этом неизменно остается на втором плане. Создается впечатление, что вера в его важность давно превратилась в простую условность, не обязывающую ни к чему.

Метод, которым я пользуюсь, – теоретический. Но факты, на которые я опираюсь, доступны каждому и открыты для проверки. Моя цель состояла лишь в том, чтобы показать возможный путь, но убеждать идти по нему – это уже не в моей власти.

Ноябрь 1915 г.

Как стадный инстинкт формирует цивилизованного человека

Вступление

Мало какая тема порождала столько споров, сколько вопрос о том, что такое социология. Чтобы двигаться дальше, нужно сразу условиться о терминах.

Рассматривать социологию как науку – значит утверждать, что она систематически изучает свой предмет и на основе этого изучения способна предсказывать поведение объекта, а в идеале – направлять его. Объект этот – человек в обществе, человек среди людей.

По существу, социология – это психология в ее наиболее полном значении: психология, охватывающая все проявления сознания, в том числе самые сложные. Психология куда более полезная, чем любая из тех, что существовали до сих пор.

Нередко социологию называют социальной психологией – то есть психологией, которая изучает не одиночного индивида, а человека в его общественных связях. Предполагается, что общество активизирует в людях уникальные интеллектуальные возможности, выходящие за рамки обычных пси-

психологических закономерностей. Однако главный тезис этой книги прямо противоположен: такой подход ошибочен, и именно он обрекает психологический метод в социологии на бесплодие.

Личное и общественное нельзя разделить. Вся человеческая психология – это психология человека среди людей, потому что человека вне общества мы попросту не знаем. Каждый из нас с рождения – существо социальное, и все наши реакции этим обусловлены. Разница между обычной и социальной психологией лишь в претензиях: первая не берется делать практических предсказаний, вторая работает со сложностями реальной жизни – а жизнь по самой своей природе есть жизнь среди других людей. Если уж называть социологию психологией, то не социальной, а прикладной.

Принять эту точку зрения – значит сразу осознать, насколько грандиозна задача социологии. Неудивительно, что саму возможность такой науки порой отрицают. На одном из первых заседаний Социологического общества профессор Карл Пирсон заметил, что подлинная наука о человеке появится лишь с приходом гения масштаба Дарвина или Пастера. Герберт Уэллс пошел дальше и заявил, что социологии не существует – и существовать не может.

Подобный скептицизм, как правило, питается сомнением в возможности прикладной психологии. По мнению части исследователей, человеческая воля вносит в поведение непредсказуемый элемент, делающий его недоступным для

научных обобщений. Другие – сторонники детерминизма – не отрицают закономерности, но убеждены, что поведение человека настолько сложно, что свести его к стройной системе не удастся до тех пор, пока наука в целом не шагнет далеко вперед. На практике оба взгляда ведут к одинаковому пессимизму.

Спору нет – сложность человеческого поведения огромна. Но есть одна существенная особенность, которую легко упустить. Наблюдая за людьми, мы почти неизбежно смотрим на их поступки сквозь призму того, как они сами их объясняют. Каждый убежден, что его поведение разумно, самостоятельно и свободно от внешних влияний, и готов это доказать. Наблюдатель невольно усваивает ту же логику.

Ощущение бесконечного разнообразия человеческих поступков возникает не столько из прямого наблюдения, сколько из этого постоянного самоистолкования – своего рода антропоморфизма. Поэтому учитывать этот фактор в психологии человека не менее важно, чем учитывать аналогичные поправки, которые сравнительная психология внесла благодаря работам Бете, Беера, Иксюля и Ньюэля. Именно этот антропоморфизм скрывает от нас единство человеческого поведения и тормозит развитие настоящей прикладной психологии.

Тем не менее даже сейчас – при всей неполноте объективного исследования – можно сформулировать ряд обобщений о человеческих убеждениях и поступках. Цель этого эссе не

в том, чтобы провести такое исследование, а чтобы, во-первых, показать: задача социологии не столь безнадежна, как кажется, и, во-вторых, обосновать применение дедуктивного метода к отдельным сторонам человеческого поведения. Метод этот рискован, если заменяет кропотливый сбор фактов, – но полезен там, где накопленные данные плохо поняты или где без предварительной гипотезы неясно, какие факты вообще стоит измерять. Эссе и есть такая попытка: через дедуктивный анализ поведения нащупать ориентиры для последующей работы с фактами – той работы, на которой держится любая настоящая наука.

Достаточно поверхностного анализа проблемы поведения, чтобы осознать: ключ нужно искать в сфере чувств – в самом широком смысле слова. Связь чувств с инстинктом столь же очевидна и глубока, как связь интеллекта с рефлексом. С инстинкта мы и начнем.

Глава 1. Психология стадного инстинкта

Уильям Джеймс в знаменитой главе своего учебника по психологии тонко подметил, как инстинкт выглядит изнутри, с точки зрения самого человека. Инстинктивный порыв кажется нам настолько само собой разумеющимся, настолько «правильным», что даже мысль поставить под сомнение его природу воспринимается как нечто глупое или постыдное.

Но если инстинктивные решения так легко узнаваемы – значит ли это, что все, что ощущается столь же «очевидным», тоже инстинктивно? Согласно исследованиям, таких решений слишком много, чтобы все они были инстинктами, это противоречило бы тому, что мы знаем о природе человеческого мышления, поэтому ответ – нет.

Попытки объяснить поведение человека через инстинкты предпринимались не раз. Три очевидных – самосохранение, питание и размножение – поначалу казались достаточными. Соблазн был велик, ведь с их помощью легко строить широкие обобщения. Но первый триумф быстро обернулся разочарованием: люди слишком часто рискуют жизнью, отказываются от еды, избегают сексуальных соблазнов – втиснуть все это в три категории оказалось невозможным. Индивид раз за разом выходил за рамки схемы, и от нее пришлось от-

казаться. Выяснилось то, что, впрочем, и так давно подозревали: человек не только не поддается, но и никогда не поддается простым научным обобщениям.

Напрашивается другая мысль: существует некий инстинкт, который мы упускали из виду. Не такой заметный, как первые три, но способный их видоизменять и порождать новые сочетания, в которых изначальные импульсы становятся неузнаваемы. Именно он объяснял бы поступки, в которых трудно найти закономерность, если не знать, что за «икс» стоит за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.